

Су Цзюгуй вновь принял тот облик, который навеки запечатлелся в памяти Чжубая.

Именно так выглядел истинный Лу Юньцзи — один из четырёх великих грандмастеров праведных орденов Поднебесной. Ему, бессменному Стражу Бездны, беспрекословно повиновались все священные звери Горы Великой Чистоты, а мириады клинков в Оружейном павильоне некогда склонились перед его волей.

Стоило мастеру сделать движение, как бесчисленные мечи с сухим шелестом покидали ножны, обрушиваясь на врага яростным ливнем, вобравшим в себя мощь небес и земли.

Какие бы кошмарные твари ни вырывались из глубин Поглощающей Бездны, преодолеть этот рубеж они не могли. Лу Юньцзи сам служил нерушимой преградой; место, где он стоял, становилось священной, недостижимой для зла землёй.

Чжубай, выросший подле него, несчётное число раз созерцал величие наставника, но всякий раз замирал от благоговения, не в силах отвести глаз.

С тех самых пор, как дракон себя помнил, этот человек возвышался над ним непреклонной, недостижимой вершиной.

Несокрушимый, лишённый земных страстей, он баловал ученика — но за этой снисходительностью крылось скорее глубокое, ледяное равнодушие, не позволявшее размениваться на мелочные упрёки.

Однако вершины существуют для того, чтобы их покорять. И чем холоднее веял ветер на самом пике, тем неодолимее становилось желание взойти на него.

Облик прежнего учителя всколыхнул в душе Чжубая полузабытые тени минувшего.

В детстве Чжубая не жаловали. Старшие адепты и старейшины относились к нему со спесивым пренебрежением, а сверстники попросту дичились и избегали его.

Поговаривали даже, будто приёмыш — вовсе не человек, а порождение зла, скверна, выползшая из самых недр Поглощающей Бездны.

Один из послушников повадился с умным видом пересказывать пугающую притчу:

— Рождение чёрного дракона — кара небесная. Рано или поздно он ввергнет Поднебесную в хаос, и тогда прольются реки крови, а всё живое обратится в пепел...

Мальчишка повторял эти бредни так часто, что выучил их наизусть. Нагоняя на слушателей жути, он заговорщицки шептал:

— Тогда не то что нашу обитель на Горе Великой Чистоты — весь мир поглотит пламя!

— Зачем же тогда старейшина Лу держит его при себе?

— Да из жалости, небось. Сердобольный слишком.

Сам Чжубай, случайно подслушав эти разговоры, лишь отмахивался. Он редко принимал чужую злобу близко к сердцу. Как говаривал наставник, малец рос на редкость легкомысленным: стоило ему сладко выпаться, как все обиды испарялись без следа. Характер у него был мягкий, незлобивый.

Он никогда не выказывал раздражения, со всеми держался дружелюбно и кротко, выказывая прямо-таки ангельское терпение.

Но при всей своей приветливости он оставался дичком. Общаться со сверстниками не желал, предпочитая хвостиком ходить за наставником. Лу Юньцзи порой не знал, куда деться от навязчивого внимания воспитанника, и сокрушался: ребёнку положено резвиться с другими детьми, а не просиживать штаны рядом со столетним старцем, перенимая его унылые привычки.

Наставник не раз мягко пенял ему, советуя сойтись с другими учениками.

Чжубай считал сверстников невыносимо глупыми, однако, не желая огорчать учителя, пересилил себя и отправился на поиски компании.

Спустя пару дней к Юньцзи прибежал запыхавшийся послушник с вестью о том, что на заднем склоне горы объявилась нечисть.

Поднявшись к ущелью, старейшина не обнаружил никаких чудовищ — лишь своего воспитанника, который сидел на берегу ручья, обхватив колени руками.

— Глупости какие, — недовольно пробормотал Лу Юньцзи, решив, что дети опять что-то не поделили. Ребячеству должен быть предел: называть живого человека демоном — это уже слишком.

Завидев наставника, Чжубай вскинул на него полные слёз, покрасневшие глаза. Вид у него был такой, словно он совершил страшное преступление.

— Учитель... — робко позвал он.

— Что здесь произошло? — ровным, лишённым всякого тепла голосом спросил Лу Юньцзи.

Прибежавший следом послушник дрожащим пальцем указал на траву у ног дракончика. Там, распластавшись на мокрых камнях, лежал священный зверь. Он испустил дух совсем недавно: тонкая струйка алой крови лениво тянулась к воде, окрашивая прозрачный ручей в багровый цвет.

— Мы просто бросали камушки в воду, — затараторил малец, бледнея на глазах. — Ну, запустили посильнее, а из кустов выскочило вот это... — Он запнулся, не зная, как назвать существо.

— Облачный олень, — подсказал Лу Юньцзи.

— Да, точно, олень! — спохватился послушник, съёживаясь под холодным взглядом великого мастера. — А этот... Чжубай вдруг как выскочит! Ка-а-ак ударит его ладонью! И наповал...

Лу Юньцзи молча выслушал путанные объяснения. Мальчишка едва лепетал от страха, но суть была ясна: скорее всего, во время игры дети ненароком потревожили лесного обитателя, а Чжубай, решив, что зверь нападёт, бросился на защиту.

Вот только этот Облачный олень мирно обитал на священной горе не одно столетие. Даже зрелому заклинателю потребовалось бы приложить немало усилий, чтобы одолеть его. А сколько лет тогда было Чжубаю?

Рассказ о том, что ребёнок прикончил древнее создание одним ударом, казался нелепой выдумкой. Буквально накануне Лу Юньцзи проверял его успехи в учении — малец даже меч в воздух поднять не сумел, заставив наставника лишь сокрушённо вздыхать над его непроходимой глупостью.

Чтобы лишить жизни священного зверя, требовались непоколебимое намерение убить и колоссальная духовная сила. Откуда взяться этому у нескладного ребёнка?

— Тебе есть что сказать? — Лу Юньцзи подошёл ближе, сверху вниз глядя на притихшего воспитанника.

— Это не я... — упрямо буркнул Чжубай, хотя в его глазах плескался безотчётный страх. На Горе Великой Чистоты убийство живого существа считалось тягчайшим грехом. Больше всего на свете он боялся, что наставник в гневе изгонит его вон.

— Вот как, — едва заметно кивнул Лу Юньцзи.

— Это сделал он, — прошептал мальчик, опуская голову.

— Кто «он»?

— Ну... он. Второй... — Голос Чжубая сорвался. Он и сам понимал, насколько нелепо звучит его оправдание. Кто поверит такому вздору?

— Враньё! — не выдержал нажаловавшийся послушник. — Я своими глазами видел! И не только я — все ребята подтвердят! Эй, скажите ему!

Он обернулся к застывшей поодаль группке притихших адептов, но те лишь испуганно отвели глаза. Смерть оленя их мало трогала; куда больше их заботило спасение собственной шкуры. О безграничном терпении Лу Юньцзи к своему воспитаннику слагали легенды — дракончику в худшем случае грозило наказание у стены покаяния. А вот им, посмевающим донести на любимчика великого старейшины, несдобровать. Стоит этому маленькому чудовищу выйти на свободу, он живьём их закопает.

— Да я вообще ничего не разглядел, — буркнул один.

— И я тоже, — тут же поддакнул другой.

— Мы прибежали, а зверь уже не дышал, — без зазрения совести соврал третий.

Четвёртый и вовсе зашёл с козырей:

— Слушай, А-Чэн, а может, тебе просто померещилось? Ну, со страху? Ты сам подумай, мало ли что могло показаться...

— Да вы с ума сошли! Как мне могло... — А-Чэн осёкся на полуслове.

Он наткнулся на взгляд Чжубая. Секунду назад несчастный, съёжившийся сирота внезапно вскинул голову. Пользуясь тем, что Лу Юньцзи стоял спиной, он уставился на доносчика.

В упор. Словно змея перед броском.

В этих антрацитово-чёрных, бездонных провалах глаз не осталось ничего человеческого. А-Чэн похолодел, запоздало вспомнив, откуда явился этот найдёныш. Из Поглощающей Бездны. Он был истинным порождением тьмы.

Если из-за его кляузы Чжубая выгонят из ордена, то пощады ждать не придётся. Эта тварь из-под земли его достанет и сживёт со свету.

Готовые сорваться с языка ругательства застряли у А-Чэна в горле. С трудом сглотнув, он выдавил:

— Наверное... я ошибся. Обознался.

Стоявшие рядом адепты облегчённо выдохнули. Ну вот и славно.

— Утреннее послушание уже окончено? — негромко спросил Лу Юньцзи.

— Ой, у меня же свитки не переписаны! — засуетились послушники. Наспех поклонившись старейшине, они гурьбой бросились прочь, только пятки засверкали.

— Учитель... — позвал Чжубай совсем детским, тоненьким голоском, едва шаги затихли вдали.

Наставник не ответил. Мальчик робко потянулся к его широкому рукаву, но, заметив суровое выражение лица мужчины, испугался и поспешно одёрнул руку назад.

Разумеется, Лу Юньцзи не поверил ни единому слову. Характер у воспитанника был непростой, да и послушники не решились бы клеветать на него столь нагло.

Опустившись на одно колено, чтобы оказаться на одном уровне с ребёнком, мастер спросил:

— О ком ты говорил? Кто этот «он»?

— Он... — Малыш густо покраснел, отчаянно подбирая слова. — Он — это просто он.

— И всё же? — мягко подтолкнул его мужчина.

Чжубай безумно хотел довериться учителю, слова так и просились наружу:

— Он ужасный. Мерзкий и злой. Я терпеть его не могу, у него отвратительный характер!

Мальчик осёкся. Ведь этот «второй» тоже был им самим. Тот, кто убил оленя, и тот, кто сейчас плакал перед наставником, делили одно тело. Узнай старейшины ордена правду — даже заступничество Лу Юньцзи не спасёт его от казни.

Старейшины считали приёмыша глупым и чёрствым, но дитя Бездны понимало гораздо больше, чем им казалось. Он прекрасно знал: в этом чистом, праведном мире единственный, кому он дорог — его учитель. И лишиться этого убежища было для него равносильно смерти. Чжубай никогда не лгал Юньцзи, но сейчас впервые заколебался, лишившись прежней слепой уверенности.

Наставник молча наблюдал за этой бурей эмоций на детском лице. Упрямство сменилось горькой обидой, а та, в свою очередь, уступила место глухому, давящему страху.

Такой страх невозможно сыграть. Мальчик действительно чего-то панически боялся.

— Чжубай, — тихо позвал Лу Юньцзи.

Его ледяное сердце дрогнуло. Наклонившись, он крепко прижал к себе дрожащее тельце. Малыш уткнулся носом в его плечо, мгновенно промочив дорогую ткань горячими слезами. Стоило тёплым рукам наставника сомкнуться за его спиной, как плотина рухнула, и вся сдерживаемая боль вырвалась наружу.

— Они говорят... говорят, во мне живёт чудовище, — всхлипнул он.

Объятия наставника на миг натянулись. Затем он сжал кольцо рук ещё крепче и едва слышно произнёс:

— В моём теле тоже живут чудовища.

И это было чистой правдой. В своё время Призрачный лекарь зашил под его кожу множество кошмарных тварей: ядовитых пауков, плотоядных змей — мерзость, о которой праведному заклинателю не пристало даже упоминать.

Тогда маленький Чжубай не понял скрытого смысла этих слов, решив, что учитель просто пытается его утешить. Лишь годы спустя, блуждая в лабиринтах чужих снов и узрев Призрачного лекаря в деревне семейства Су, он осознал весь ужас того признания.

Внутри его безупречного наставника действительно обитал целый рой демонов.

— Всё хорошо, — прошептал Лу Юньцзи.

— А как же... как же он? — сквозь рыдания выдавил Чжубай, утыкаясь личиком в шею наставника.

Дети не умеют принимать неизбежность смерти. Придя в себя, маленький дракон обнаружил, что его ладони по локоть испачканы тёплой кровью священного зверя.

Некоторые ошибки невозможно исправить. Священный зверь испустил дух, и даже великому мастеру было не под силу вернуть его к жизни. Разумеется, он мог бы влить в бездыханное тело Облачного оленя каплю своей духовной энергии, заставив труп двигаться подобно послушной марионетке. Но стоило бы этому резерву иссякнуть, как иллюзия рассеялась бы прахом. Чжубаю рано или поздно пришлось бы столкнуться со смертью лицом к лицу.

— Он мёртв, — безжалостно, лишая всякой надежды, произнёс Лу Юньцзи.

Мальчик растерянно захлопал ресницами, ещё не до конца осознавая значение этого слова.

— Когда-нибудь, — добавил учитель, — и меня не станет.

Он произнёс это с такой спокойной уверенностью, будто давно примирился с собственной участью.

Разве наставник может умереть? Разве в ордене не шептались, что великий мастер вот-вот совершит вознесение и обретёт бессмертие? Неужели и он когда-нибудь будет лежать на сырых камнях у ручья, бездыханный, со струящейся из ран кровью?

— Не надо! — испуганно вскрикнул Чжубай, зажмурившись изо всех сил и ещё крепче цепляясь за одежды мастера. Ему показалось, что если он закроет глаза, то сможет уберечь самого дорогого человека от неизбежного конца.

Лу Юньцзи тихо, едва слышно рассмеялся — горько и мягко.

— И всё же наказания тебе не избежать.

— А? — Мальчик удивлённо вскинул голову.

— За совершённые проступки всегда приходится платить, — повторил наставник.

То было его первое серьёзное наказание. Чжубая на три месяца заперли на Скале Покаяния. Сама по себе потеря свободы мало его пугала; невыносимой казалась лишь разлука с единственным близким человеком.

Девяносто дней без единого взгляда, без единого слова наставника — худшего кошмара маленькое дитя Бездны тогда и представить не могло.

Конечно, то детское изгнание казалось сущим пустяком по сравнению с тем, что ждало его впереди: холодным клинком, пронзившим грудь, мучительными символами проклятия, выжженными на плоти, и позорным изгнанием с Горы Великой Чистоты.

Знай Чжубай тогда, какая участь уготована ему руками любимого учителя, он никогда бы не доверился ему с такой слепой, жертвенной преданностью.

Окружающее пространство содрогнулось. Под грозным, всесокрушающим натиском Духа Зеркала Поглощения Морей призрачный облик Чжубая пошёл трещинами. Иллюзорный мир

вокруг стремительно осыпался прахом.

Дракон очнулся от нахлынувших воспоминаний. Он давно уже не был тем беспомощным, глупым детёнышем. Кожа его покрылась иссиня-чёрной чешуёй, длинные волосы, тронутые ранней сединой, разметались по плечам, а широкие рукава шумно захлопали на поднявшемся ветру.

Взглянув на Су Цзюгуя, Чжубай горько, но понимающе улыбнулся:

— В нашу следующую встречу я не пощажу тебя.

<http://bllate.org/book/18298/1755160>